

Державин уже в первоначальной редакции стихотворения акцентировал мотив борьбы со «злыми»

Итак, коль истины не стало,
И правды в свете нет нигде,
Исторгнь, Творец, неправды жало,
Приди и царствуй сам везде (1, 110)

В окончательной редакции строфа была переработана коренным образом. Вместо достаточно абстрактного призыва «исторгнуть неправды жало» появились замечательные страстные строки

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли! (1, 113)

С удивительной силой здесь зазвучала тема возмездия: вышший судья должен не только защищать слабых и невинных, но и наказывать, карать обидчиков (в соответствующем библейском тексте о каре не говорилось). В то же время Державин, воспитанный на христианской этике, последовательно развивает систему образов, связанных с представлением о Страшном суде. Люди делятся на «правых» — «праведников» и «лукавых» — «грешников»; первым суждена Божеская милость и благодать, вторым — адские муки.

К этой теме поэт продолжает обращаться на протяжении всего последующего творчества. Характерно, в частности, стихотворение «Правосудие» (подражание Архилоху, переведенное с немецкого в 1796 или 1797 г.).

Нет! знай, что Правосудья око,
Хоть бодрствует меж звезд высоко,
Но от небес и в бездны зрит
Тех милует, а тех казнит
И здесь, в сей жизни скоротечной,
И там, и там, по смерти, в вечной

Нет, стой! Есть Бог, есть Вседержитель,
Живых и мертвых есть судья
Есть наших тайных дел ценитель

Он счастье, славу дням твоим
И продолжение дарует
Страшись, когда вознегодует! (2, 116—117)

Но еще в стихах 1780-х годов, обращенных к «земным богам», вершившим судьбы людей, Державин чаще всего подчеркивал их незлобие, снисходительность, стремление воспитать подданных собственным благородным примером. В знаменитой «Фелице» (1783) императрица предстает как «ангел кроткий, ангел мирный», который «проступки снисхожденьем правит», «шутам, трусам, неблагодарным / И праведным свой свет дарит» (1, 146). Славя Г. А. Потемкина под именем Ре-